

Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе

В. А. Егоров¹, В. П. Милецкий^{1,2✉}

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉falesm@mail.ru

Введение. Проблема коррупции приобрела особую важность в свете многочисленных коррупционных скандалов, затрагивающих как развивающиеся, так и наиболее развитые государства. На сегодняшний день выдвигается ряд зачастую противоречащих друг другу гипотез о том, как коррупционные практики влияют на протестный потенциал и стабильность политической системы, а также о роли антикоррупционной политики властей в нейтрализации такого влияния. Целями данной статьи являются обзор и сравнение некоторых исследований в области изучения влияния коррупции и антикоррупционной политики на различные аспекты жизнедеятельности современного общества, в особенности на протестный потенциал и политическую стабильность. Авторская гипотеза состоит в предположении о том, что системная антикоррупционная политика, представляющая собой приоритетное направление политико-управленческой деятельности институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению и пресечению коррупционных практик, заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе.

Методология и источники. Методологическим основанием данной статьи является мультипарадигмальный подход к изучению коррупции. В рамках данной работы был проанализирован ряд эмпирических исследований отечественных и зарубежных авторов (Э. Усланер, П. Хейвуд, Д. Роуз и др.). Также использованы результаты проведенного авторами в 2020 г. интернет-опроса, в котором приняли участие 580 респондентов (преимущественно студенты российских вузов). Респонденты отбирались методом самоотбора, выборка была стихийная. Многочисленные исследования и социологические опросы свидетельствуют о трудностях в обобщении полученных результатов.

Результаты и обсуждение. Значительное число эмпирических исследований свидетельствует о негативном влиянии коррупционных практик на жизнедеятельность современного общества. Они приводят к снижению темпов роста ВВП, снижению притока внутренних и внешних инвестиций, росту социально-экономического неравенства, снижению налоговых поступлений, недофинансированию социальной политики, уменьшению уровня доверия населения к властным институтам и падению генерализованного доверия в целом. Вместе с тем хотя существует корреляция между высоким уровнем коррупции и политической нестабильностью, однако результаты ряда исследований позволяют усомниться в существенном влиянии коррупции на экономический потенциал и политическую стабильность.

© Егоров В. А., Милецкий В. П., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В целом проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что высокий уровень распространенности коррупционных практик может как способствовать усилению социальной напряженности и наращиванию протестного потенциала, так и не влиять на политическую активность населения и стабильность политического режима. При этом именно системная антикоррупционная политика властей заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, восприятие коррупции, протестный потенциал, политическая стабильность.

Для цитирования: Егоров В. А., Милецкий В. П. Антикоррупционная политика как фактор влияния на протестный потенциал и стабильность в современном обществе // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 5. С. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 09.08.2021; принята после рецензирования 27.09.2021; опубликована онлайн 24.11.2021

Anti-corruption Policy as a Factor of Influence on Protest Potential and Stability in Modern Society

Vladislav A. Egorov¹, Vladimir P. Miletskiy^{1,2✉}

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

✉falesm@mail.ru

Introduction. The problem of corruption has acquired a particular importance in light of ubiquitous corruption scandals, entangling both developing and developed countries. Currently, a number of often contradicting hypotheses has been posed on the ways corrupt practices impact protest potential of a society and stability of a political system, as well as on the role of anti-corruption policy in the alleviation of such impact. This article aims to survey and compare different researches analyzing the impact of corruption and anti-corruption policies on different aspects of modern Russian society; in particular, their impact on protest potential and political stability. The author's hypothesis lies within the assumption that The System anti-corruption policy, which is a prioritized instrument for political and administrative activities of state and municipal authorities in the prevention of corrupt practices, significantly reduces the extent of protest potential and facilitates political stability in a society.

Methodology and sources. Methodological basis of this article is a multiparadigm approach to studying the phenomenon of corruption. As part of this research, a raft of empirical research conducted by domestic and foreign authors has been analyzed (E. M. Uslaner, P. Heywood, J. Rose et al.). Authors also use the results of an internet survey conducted with 580 participants (predominantly students of Russian universities) in 2020. The respondents were self-selected, convenience sampling. Manifold research and sociological surveys demonstrate the difficulty of generalizing the results.

Results and discussion. Substantial amount of empirical data reflects an adverse effect of corrupt practices on the livelihood of a modern society. These practices entail the decrease in GDP growth rates, avert domestic and foreign investments, amplify social and economic inequality, decrease tax revenue and lead to social welfare underfunding. It ultimately results in the lack of public trust towards state institutions as well as the decrease of generalized trust. Even though there is a positive correlation between endemic corruption and political volatility, the results of other research cast doubt on the extent to which corruption may influence economic development and political stability.

Conclusion. In general, the conducted research has allowed for the inference that the prevalence of corrupt practices may either amplify social instability and increase the protest potential or it may have no influence at all on political activity of a society and stability of political regime. At the same time, the implementation of anti-corruption policies by the authorities significantly reduces the level of protest potential and fosters political stability.

Key words: corruption, anti-corruption policy, corruption perception, protest potential, political stability.

For citation: Egorov V. A., Miletskiy V. P. Anti-corruption Policy as a Factor of Influence on Protest Potential and Stability in Modern Society. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 5, pp. 98–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-5-98-111 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 09.08.2021; adopted after review 27.09.2021; published online 24.11.2021

Введение. За последние 40 лет проблема коррупции стала одной из ключевых тем академических исследований и политических дискуссий. Панамские документы, «Ланд-ромат Тройка», коррупционный скандал с компанией «Siemens» и другие скандальные события попадают в центр внимания всех крупных мировых СМИ. Такие международные организации, как ООН, принимают конвенции и вырабатывают рекомендации по борьбе с коррупцией. Transparency International ежегодно публикует Индекс восприятия коррупции, а власти разных стран принимают новые меры по борьбе с коррупцией. Проблема коррупции привлекает даже больше внимания, чем проблемы безработицы, бедности, климатических изменений или терроризма [1].

Так, например, согласно опросам «Левада-центра» коррупция в 2020 г. являлась второй по важности проблемой, беспокоившей россиян. За последние три года около 40 % респондентов отметили обеспокоенность ростом коррупции в стране. В целом, проблема коррупции остается в центре внимания граждан не только развивающихся, но и развитых стран. Она фигурирует в результатах многих опросов, посвященных степени удовлетворенности граждан деятельностью органов власти [2].

Коррупция становится политическим нарративом и важной частью политической борьбы. Предвыборные кампании редко проходят без обещаний политиков победить коррупцию или без обвинений в коррупции политических оппонентов, о чем свидетельствует и нынешняя предвыборная кампания в России. Массовые протестные акции последних лет в Чили, Румынии, Чехии, Эквадоре, Боливии, Ливане, Украине имеют различную динамику и формальные причины. Но при этом многие из этих протестных акций так или иначе связаны с проблемой коррупции. Протестующие обвиняют правительство в коррупции, неспособности обеспечить справедливое распределение ресурсов и решить экономические проблемы своих стран. Ряд протестных акций в России в 2018–2020 гг., которые стали наиболее масштабными выступлениями со времен протестов 2011–2013 гг., были вызваны антикоррупционными расследованиями «Фонда борьбы с коррупцией» в отношении бывшего Председателя Правительства России Д. А. Медведева и ряда других лиц.

Международные организации также отмечают негативное влияние коррупции на национальную и международную безопасность. Согласно мнению некоторых исследователей высокий уровень коррупции был одним из факторов, повлиявших на быстрое развитие

событий «Арабской весны». Обратившись к Индексу восприятия коррупции TI, можно обнаружить, что наиболее коррумпированные страны обычно занимают самые высокие места в рейтинге недееспособности государств.

Количество конфликтов, связанных с коррупционными скандалами, а также высокий уровень социальной напряженности во многих коррумпированных странах согласно Индексу восприятия коррупции обуславливают необходимость изучения и выявления природы коррупции и особенностей ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность, включая анализ роли антикоррупционной политики властей и в этих процессах.

Методология и источники. С 1990 по 2010 г. на английском языке было опубликовано около 6000 научных статей, посвященных различным экономическим, социальным, культурным, политическим аспектам коррупции [3]. Массив опубликованных теоретических и эмпирических исследований свидетельствует в пользу существования разнообразных подходов к изучению данной проблемы представителями социологии, политологии, экономики, конфликтологии и др.

В рамках исследований коррупционной практики существует немало разногласий, которые затрагивают даже такие ключевые вопросы, как определение коррупции [4]. Так, коррупция как многогранное социальное явление имеет множество определений, обозначающих как формы коррупции (кормление, лихоимство, стяжательство, мздоимство, казнокрадство, взяточничество), так и метафорические модели, отражающие специфику восприятия коррупции в общественном сознании (например, болезнь, препятствие, диагноз и др.). Но, пожалуй, стоит исходить из определения, сформулированного в Федеральном законе РФ «О противодействии коррупции», принятом в 2008 г., в котором говорится: «Коррупция – злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5].

В дальнейшем, 29 июня 2018 г., Президент РФ В. В. Путин подписал Указ № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции в 2018–2020 гг.», предусматривавший и совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, и обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов, и совершенствование и расширение мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, и повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения, и развитие общественного правосознания, и др.

Стоит сказать, что существенное значение для разработки предложений по совершенствованию антикоррупционной политики имеют работы В. В. Астанина, Ю. Ю. Болдырева, В. П. Воротникова, А. И. Кирпичникова, А. В. Куракина, И. М. Клямкина, А. А. Мухина, Л. М. Тимофеева и др. Но все еще недостаточно серьезных социологических публикаций, раскрывающих роль антикоррупционной политики в качестве ключевого фактора противодействия коррупции, ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность.

В этом отношении именно *системность* антикоррупционной политики выступает главенствующим фактором ее результативности и эффективности мер по всем направлениям ее реализации. Поэтому представляется возможным повторить вывод, изложенный в наших предыдущих публикациях по этой теме, согласно которому с точки зрения системно-социологического анализа уместно говорить о формационных, сферальных и структурных факторах живучести и воспроизводства коррупции, ее воздействия на протестный потенциал современного общества и политическую стабильность.

В отношении формационных факторов коррупции убедительной является позиция, согласно которой главенствующую роль сыграла российская модель криминально-олигархического капитализма периферийного типа, которая была «выращена» в «лихие 1990-е гг.», превратилась в питательную среду для разрастания криминалитета и коррупции («низовой» и «верхушечной, или беловоротничковой»). Среди сферальных факторов ключевую роль в разрастании коррупции в постсоветской России сыграли главным образом социально-экономические факторы.

В первую очередь это экспортно-сырьевая модель квазирыночной экономики, основанная на частнокапиталистическом укладе, не имеющая ничего общего с многосекторным социальным рыночным хозяйством, а также маргинальная социальная структура общества, которая в 1990-е гг. приобрела классово-антагонистический характер, внутри которой в современной России разрыв между бедными и богатыми даже в условиях пандемии по основным стратификационным критериям намного превосходит пороговые показатели.

В ряду собственно структурных факторов, способствующих живучести и воспроизводству коррупции и затрудняющих эффективную борьбу с ней, стоит назвать политические детерминанты, среди которых главную роль играет избыточное вмешательство власти в бизнес-среду и чиновничье покровительство бизнес-структур. К структурным факторам воспроизводства коррупции, препятствующим проведению системной антикоррупционной политики, относятся институциональные, процессуальные и иные составляющие, среди которых стоит упомянуть сложившиеся в 1990-е гг. влиятельные бизнес-группировки, патрон-клиентские отношения между бизнесом и властью, одиозные клановые структуры власти на местах, обусловившие низкий уровень самоорганизации институтов гражданского общества, деградацию судебной системы и правоохранительных органов, сращение последних с бизнесом и оргпреступностью.

Таким образом, без обеспечения системности антикоррупционной политики, которая выступает ключевым направлением функциональной деятельности социальных субъектов и институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению, противодействию, искоренению коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, искоренению антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, вряд ли можно ограничить условия и факторы воспроизвод-

ства коррупции и надеяться на эффективное противодействие этому антисоциальному явлению. К основным элементам системного содержания такой политики относятся социальные субъекты и институты, должностные лица и органы государственной и муниципальной власти, включая их юридически значимую деятельность в рамках механизма правового регулирования на определенной нормативно-правовой основе, а также инструментарий (принципы, методы и технологии) политико-правового воздействия на совокупность самых коррупциогенных сегментов общества.

Итак, большинство исследователей сходятся во мнении о том, что коррупция представляет собой такое негативное явление, которое наносит значительный вред как государству, так обществу в целом и отдельным гражданам. Тем не менее вопросы взаимосвязи между уровнем коррупции и состоянием протестного потенциала общества привлекают не так много внимания со стороны академической сферы, из-за чего взаимосвязь между коррупцией и протестным потенциалом остается недостаточно изученной.

На данный момент исследователями выдвигаются две основные гипотезы о влиянии коррупции на протестный потенциал общества:

1. Сторонники мобилизационной гипотезы полагают, что восприятие коррупции, понимаемое как оценка уровня распространенности коррупционных практик в органах власти разных стран, а также личный опыт сопричастности людей к коррупции (бытовая или деловая коррупция), стимулирует их участие в политической жизни общества, в том числе в различных формах протеста. Согласно этой гипотезе граждане, которые отмечают высокий уровень распространенности коррупционных практик в своей стране, а также прошедшие через негативный личный опыт столкновения с коррумпированными чиновниками, с большей вероятностью будут участвовать в политической деятельности – от активного участия в электоральном процессе (выдвижение на выборы, активная поддержка определенных политических партий и движений, наблюдение за выборами) до участия в санкционированных и несанкционированных антиправительственных протестах, направленных на изменение сложившейся политической системы.

2. Авторы демобилизационной гипотезы исходят из предположения о том, что высокий уровень воспринимаемой общественностью коррупции способствует снижению уровня политической активности в силу бесполезности борьбы с этим социальным злом. В результате уменьшается явка избирателей на выборы, снижается доверие к политическим партиям, сокращается мобилизационный потенциал оппозиционных партий и движений, нарастает отчуждение недовольных коррупцией избирателей от политических процессов и власти в целом. По этой причине коррупция не является существенным фактором мобилизации антиправительственных протестующих.

Значительное число исследований посвящено изучению влияния коррупции на различные аспекты жизнедеятельности современного общества, в особенности акцентируется внимание на микро- и макроэкономических издержках коррупции. Хотя в экономических исследованиях и наблюдается некоторое согласие по поводу того, что коррупция оказывает скорее негативное влияние на экономическое развитие государства, но при этом степень, условия и направленность этого влияния остаются дискуссионными.

В рамках настоящей статьи используются результаты проведенного в 2020 г. социологического опроса, посвященного восприятию коррупции в России, в котором приняли уча-

стие 580 респондентов. Методом сбора данных стал анкетный опрос через Интернет, выборка была стихийная, респонденты отбирались методом самоотбора. Стоит также отметить, что социально-демографическая структура пользователей Интернета может отличаться от структуры генеральной совокупности. Респондентам было предложено оценить 12 ситуаций и ответить на вопрос о том, является ли описанная ситуация коррупционной. В случае, если респондент считает такую ситуацию коррупционной, ему предложено оценить ее приемлемость по 5-балльной шкале, где 1 – это приемлемо, а 5 – совсем неприемлемо.

Результаты и обсуждение. Исследования показывают, что ухудшение положения страны в Индексе восприятия коррупции TI приводит к снижению темпов роста ВВП [6], а высокий уровень коррупции затрудняет развитие бизнеса сильнее, чем рост налогов [7]. В некоторых африканских странах затраты на коррупционные сделки составляют от 8 до 15 % всех операционных расходов средней фирмы [8]. Рост коррупции приводит как к снижению внутренних государственных и частных инвестиций, так и к сдерживанию притока прямых иностранных инвестиций [9]. Также наблюдается связь между положением страны в Индексе восприятия коррупции и в рейтинге легкости ведения бизнеса [10]. Другие исследования отображают некоторые позитивные функции коррупции, поскольку коррупция позволяет увеличить эффективность бизнеса в условиях деятельности неэффективных государственно-муниципальных институтов и бюрократических барьеров [11].

В изучении конфликтогенного характера коррупции наибольший интерес представляют работы, посвященные анализу взаимосвязи коррупции и неравенства, а также влиянию коррупции на работу государственных институтов. Многие исследования показывают существенную связь между увеличением уровня коррупции и ростом неравенства в доходах населения. В результате индекс Джини, отображающий степень расслоения общества, увеличивается в тех странах, в которых наблюдается рост коррупции [12].

Важно отметить, что коррупция оказывает большее влияние на наиболее необеспеченные слои населения. В коррумпированных странах семьи с низким уровнем доходов тратят на коррупционные сделки значительно большую часть своих доходов, чем домохозяйства с высоким или средним уровнем доходов. В целом, граждане с низким уровнем доходов дают взятки чаще, чем остальные [13]. В ряде исследований отмечается также, что размер налоговых поступлений в бюджет страны может зависеть от того, в какой мере власти воспринимаются населением как коррумпированные [14]. Результаты исследований показывают, что уровень коррупции негативно влияет не только на доходную часть бюджета, но и приводит к изменениям в структуре расходной части. Так, например, многие исследователи отмечают сокращение затрат на здравоохранение, образование и меры социальной поддержки населения в коррумпированных странах. При этом наблюдается рост расходов на поддержание правопорядка, оборону и энергетику [15].

Коррупция приводит не только к сокращению объема государственного бюджета, но и к несправедливому распределению этих средств. Правительства, воспринимаемые как наиболее коррумпированные, чаще выделяют средства на те отрасли, в которых возможно заключение наиболее крупных контрактов. Исследования показывают, что недофинансирование в социальной сфере приводит к ухудшению качества предоставляемых услуг, что, в свою очередь, повышает количество коррупционных платежей, совершаемых наиболее необеспеченными слоями населения за услуги, которые они могли бы получить бесплатно.

Ухудшение качества предоставляемых услуг, в особенности в сфере строительства социального жилья или жилищно-коммунального хозяйства, может приводить к возникновению многочисленных социальных конфликтов.

Ряд исследований, посвященных анализу влияния коррупции на доверие к государственным институтам, является подтверждением этому. Как уже отмечалось ранее, высокий уровень коррупции приводит к снижению уровня доверия к различным государственным и муниципальным институтам [16]. В особенности это может затрагивать судебные органы власти. Исследователи показывают, что низкий уровень доверия к судам или полиции способствует распространению практики взяточничества [17]. В результате воспринимаемая населением коррупция может оказывать отрицательное влияние на степень политического участия граждан и оценку ими легитимности властей [18].

Коррупция может оказывать влияние не только на доверие к государственным и муниципальным институтам, но и на генерализованное доверие. Э. Усланер разработал модель ловушки неравенства, согласно которой существующее в обществе неравенство приводит к тому, что рядовые граждане утрачивают доверие к действующим институтам власти и окружающим людям, чувствуют пессимизм в отношении собственного будущего, ощущают себя зависимыми в рамках системы патрон-клиентских отношений [10]. Ученый утверждает, что низкий уровень генерализованного доверия приводит к более высокому уровню коррупции. Данное утверждение обосновывается аргументами о том, что при высоком уровне генерализованного доверия граждане менее благосклонны и терпимы к коррупции, поскольку они чувствуют социальную солидарность и собственную ответственность за благосостояние всего общества. Коррупция, становящаяся более приемлемым явлением при низком доверии и высоком неравенстве, приводит к еще большему неравенству. Неравенство и низкое доверие к властям зачастую рассматривается как фактор, способствующий повышению социальной напряженности и проявлению социальных конфликтов.

Обращаясь к социальным конфликтам и их детерминированности коррупционными факторами, стоит отметить существование широкого круга исследований, посвященных изучению влияния коррупции на социодинамику конфликтов. Чаще всего акцентируется внимание на вооруженных конфликтах или постконфликтных ситуациях в наиболее нестабильных странах, в которых существует значительная корреляция между коррупцией и политической нестабильностью. Вместе с тем есть исследования, отмечающие относительно положительную роль коррупции в стабилизации политической ситуации в «хрупких» государствах. Так, например, распределение коррупционных доходов между политическими элитами отдельных и не самых развитых стран может служить базисом для заключения мирных соглашений в условиях внутривнутриполитических конфликтов [19]. При этом представления о коррупции как о стабилизирующем факторе основаны на анализе преимущественно взаимодействия между элитами.

Тем не менее на уровне международных организаций существует очевидный консенсус по вопросу о том, что высокий уровень коррупции отрицательно сказывается на политической стабильности, способствует усилению социальной напряженности и разжиганию социальных конфликтов [20]. В особенности это прослеживается на примере стран, в которых разворачиваются острые политические конфликты. Проанализировав опыт Непала, Либерии, Колумбии и современного Афганистана, особенно после недавнего «бегства» из

этой страны американского контингента, авторы приходят к выводу о том, что доступ к коррупционной ренте ограниченного круга лиц может привести к насильственным конфликтам в лишь в том случае, если коррумпированные власти прибегают к устранению противников коррупционных сетей или не могут обеспечить более справедливое распределение благ и удовлетворить базовые потребности населения [19].

Реформы также могут привести к масштабным конфликтам из-за сопротивления коррумпированных политических элит. Ряд авторов, проанализировав влияние коррупции на постконфликтное урегулирование, приходит к выводу о том, что недостаточные усилия по борьбе с коррупцией увеличивают вероятность возобновления конфликтов [21]. При этом к внутривнутриполитическим конфликтам приводит не столько существование коррупции самой по себе, сколько изменения в структуре распределения коррупционной ренты, которые могут происходить в результате внешнего давления или внутренних кризисов [22].

В свете растущей актуальности многочисленных экологических конфликтов уместно отметить исследования, посвященные анализу влияния коррупции на экологию, показывающие, что коррупция может негативно сказываться на охране невозобновляемых ресурсов. Широкое распространение коррупционных практик в природоохранной сфере приводит к быстрому истощению охраняемых ресурсов – вырубке лесов, уничтожению редких видов животных, загрязнению атмосферы, воды и др. [23]. Деградация окружающей среды также оказывает дестабилизирующее воздействие на местные сообщества и население стран в целом.

Неоднозначный характер такого влияния коррупции подтверждается и проведенным опросом, по результатам которого установлено, что более 80 % респондентов упомянули влияние коррупции на углубление социального неравенства, которое препятствует стабильному экономическому развитию и подрывает экономический потенциал. 56,4 % опрошенных отметили, что коррупция повышает издержки в системе государственного и муниципального управления. С другой стороны, 65,2 % респондентов считают, что коррупция способствует укреплению авторитарных режимов, 38,3 % респондентов считают коррупцию одним из инструментов преодоления бюрократических преград, 22,6 % – инструментом достижения справедливости. 16 % респондентов отметили, что распространенность коррупционных практик может стимулировать участие разных социальных групп (новых политических партий, движений) в политическом процессе. И только 6 % респондентов считают, что коррупция может содействовать экономическому росту.

Также респондентам было предложено рассмотреть ряд ситуаций и оценить, является ли описанная ситуация коррупционной практикой. Так, например, почти половина респондентов (49,1 %) не считают коррупционной ситуацию, в которой классный руководитель требует сдать деньги на ремонт или обеспечение охраны в школе. 44,7 % респондентов не считают, что плата за оказание медицинских услуг в обход официальных учреждений (через друзей, знакомых лечащего врача) является коррупционной практикой. 36 % респондентов не считают действия государственных чиновников коррупционными в том случае, если чиновник действует ради спасения жизни людей – помогает друзьям и близким уехать из авторитарного государства или избежать этнических чисток. Важным фактом является то, что для респондентов коррупционными являются и ситуации, в которых не задействованы государственные и муниципальные служащие. Коммерческий подкуп и иные способы

нечестной конкуренции в условиях рынка назвали коррупционными 82,2 % респондентов, для 73 % из них эти практики являются неприемлемыми.

Несмотря на то, что большинство предложенных в ходе опроса ситуаций считалось респондентами коррупционными, степень приемлемости данных практик существенно отличалась. Наиболее неприемлемыми для респондентов оказались ситуации с вымогательством сексуальных услуг. Так, 86 % респондентов считают «сексторшн» коррупционной практикой, 93 % считают такую практику неприемлемой. С другой стороны, ситуация, в которой гражданин, спешащий к больному родственнику и нарушивший ПДД, дает взятку инспектору ГИБДД, считается приемлемой для 34 % респондентов.

Заключение. Результаты проведенных исследований коррупционной проблематики можно обобщить следующим образом.

Прежде всего, несмотря на сформулированную в упоминавшемся выше федеральном законе дефиницию коррупции, в научной среде пока нет единства мнений относительно определения этого термина, что приводит к различиям в методиках оценки степени распространенности коррупции в разных странах. В результате известное число методик основывается на оценке людьми восприятия коррупции, которая не всегда позволяет отразить фактический уровень распространенности коррупционных практик в стране. К тому же положение той или иной страны в Индексе восприятия коррупции и экономические показатели не всегда отражают степень обеспокоенности граждан коррупцией в стране.

Кроме того, рассмотренные выше материалы показывают, что имеет место значительное негативное влияние коррупции на различные сферы жизнедеятельности современного общества. Она реально замедляет экономический рост, снижает эффективность бизнеса, препятствует поступлению иностранных инвестиций, уменьшает объемы налоговых поступлений и др. Коррупция препятствует справедливому распределению благ внутри разных стран и приводит к снижению качества предоставляемых услуг. В целом, существует значительный объем данных, свидетельствующих о связи между коррупцией и высоким уровнем неравенства, в результате чего происходят снижение общего доверия к властям и падение генерализованного доверия. Все большее число граждан осознает, что коррупционные издержки в качестве дополнительного неофициального налога во все большей степени ложатся на плечи наименее обеспеченных слоев населения.

При этом важно подчеркнуть, что именно антикоррупционная политика властей, представляющая собой приоритетное направление политико-управленческой деятельности институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению и пресечению коррупционных практик, заметно снижает уровень протестного потенциала и способствует поддержанию политической стабильности в обществе. Данный вывод подтверждают не только результаты антикоррупционной политики властей стран Запада, но и в особенности очевидные успехи нынешнего руководства КНР под руководством Председателя КНР Си Цзиньпина. Как известно, китайский опыт современной антикоррупционной политики реализуется по принципу: «Бить не только по мухам и тиграм, но и по лисам». В КНР в противодействии коррупции наработано немало новаций, отсутствующих в нашей стране. Речь идет не только о полном понимании руководством страны, что преодоление коррупции – это вопрос жизни и смерти государства и политической элиты, но и о пропаганде скромности и умеренности образа жизни партийно-государственных руководителей. В КНР созданы и действуют комитеты партийного контроля для членов КПК и граждан-

ского контроля над бизнесом, которые имеют право проводить расследования и возбуждать уголовные дела против взяточников. В Китае добились высокого уровня неподкупности сотрудников правоохранительных органов, наделили их самыми широкими полномочиями в преследовании коррупционеров, которые действуют «невзирая на лица». Также в КНР в борьбе с коррупцией гораздо активнее участвует гражданское общество, внушающее взяточникам простую мысль о том, что обогащаться с помощью коррупции бесполезно, поскольку тратить эти средства становится все труднее и рано или поздно взяточников «забирают и закрывают».

Вместе с тем вышеизложенное позволяет резюмировать, что, с одной стороны, стремление представителей некоторых государственно-муниципальных учреждений «приватизировать» коррупционную ренту может приводить к насильственным внутрисполитическим конфликтам, а с другой – способствовать сохранению социально-политической стабильности, если эта рента распределена между противоборствующими элитами более или менее правильно. Правда, опыт «Арабской весны» показывает, что клептократические режимы в долгосрочной перспективе не защищены от массовых протестов. Поэтому коррупция, как правило, способствует усилению социальной напряженности, что является косвенным аргументом в пользу вывода о том, что она выступает конфликтогенным фактором, который обуславливает повышение уровня социальной напряженности, ухудшение экономической ситуации в разных странах, сокращение финансирования социальной сферы, снижение качества предоставляемых социальных услуг, увеличение разрыва между бедными и богатыми, падение уровня доверия к институтам государственной и муниципальной власти.

На примере стран Восточной Европы нетрудно увидеть, что переход к рыночной экономике совпал здесь с ростом неравенства и коррупции. Экономическое и социальное неравенство и ныне продолжает увеличиваться, а респонденты, согласно опросам, связывают несправедливое распределение богатства с коррупционными сделками [24]. Высокий уровень коррупции, недоверие к властям и низкий уровень генерализованного доверия в таких странах, как Албания или Украина, актуализирует более широкие дискуссии, а громкие коррупционные скандалы становятся причиной новых социальных конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global poll: Corruption is world's most talked about problem // BBC. URL: http://www.bbc.co.uk/pressoffice/pressreleases/stories/2010/12_december/09/corruption.shtml (дата обращения: 04.04.2021).
2. Тревожащие проблемы // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhashhie-problemy-2/> (дата обращения: 04.04.2021).
3. Heywood P. Routledge Handbook of Political Corruption. London: Routledge, 2014.
4. Rose J. The Meaning of Corruption: Testing the Coherence and Adequacy of Corruption Definitions // Public Integrity. 2018. Vol. 20, Iss. 3. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1397999>.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 03.11.2015) // Российская газета. 30.12.2008. № 4823. URL: <https://rg.ru/2008/12/30/korruptcia-fz-dok.html> (дата обращения: 01.08.2021).
6. Ugur M., Dasgupta N. Evidence on the economic growth impacts of corruption in low-income countries and beyond: a systematic review. London: EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, Univ. of London, 2011.

7. Fisman R., Svensson J. Are corruption and taxation really harmful to growth? Firm level evidence // *J. of Development Economics*. 2007. Vol. 83, Iss. 1. P. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2005.09.009>.
8. Svensson J. Who Must Pay Bribes and How Much? Evidence from a Cross Section of Firms // *The Quarterly J. of Economics*. 2003. Vol. 118, Iss. 1. P. 207–230. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360535180>.
9. Wei S-J. How Taxing is Corruption on International Investors? // *The Rev. of Economics and Statistics*. 2000. Vol. 82, Iss. 1. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1162/003465300558533>.
10. Uslaner E. M. The Consequences of Corruption // *Routledge Handbook of Political Corruption* / ed. by P. M. Heywood. Abingdon, NY: Routledge, 2015. P. 199–211.
11. De Jong E., Bogmans C. Does corruption discourage international trade? // *European J. of Political Economy*. 2011. Vol. 27, Iss. 2. P. 385–398. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.11.005>.
12. Gupta S., Davoodi H., Alonso-Terme R. Does corruption affect income inequality and poverty? // *Economics of Governance*. 2002. Vol. 3, Iss. 1. P. 23–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/s101010100039>.
13. Lavallée E. Corruption and trust in political institutions in sub-Saharan Africa // *Afro Barometer*. 2008. № 102. URL: <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Working%20paper/AfropaperNo102.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
14. Bird R., Martinez-Vazquez J., Torgler B. Tax Effort in Developing Countries and High Income Countries: The Impact of Corruption, Voice and Accountability // *Economic Analysis and Policy*. 2008. Vol. 38, Iss. 1. P. 55–71. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(08\)50006-3](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(08)50006-3).
15. De la Croix D., Delavallade C. Growth, public investment and corruption with failing institutions // *Economics of Governance*. 2009. Vol. 10, Iss. 3. P. 187–219. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10101-008-0057-4>.
16. Clausen B., Kraay A., Nyiri Z. Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey // *The World Bank Economic Review*. 2011. Vol. 25, Iss. 2. P. 212–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhr018>.
17. Basics of corruption and the justice sector // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: <https://www.u4.no/topics/justice-sector/basics> (дата обращения: 04.04.2021).
18. Habibov N., Afandi E., Cheung A. Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries // *J. of Eurasian Studies*. 2017. Vol. 8, Iss. 2. P. 172–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.05.001>.
19. Risks of corruption to state legitimacy and stability in fragile situations // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: <https://www.u4.no/publications/risks-of-corruption-to-state-legitimacy-and-stability-in-fragile-situations> (дата обращения: 04.04.2021).
20. Public financial management reforms in post-conflict countries: synthesis report // The World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/945231468340162289/Public-financial-management-reforms-in-post-conflict-countries-synthesis-report> (дата обращения: 04.04.2021).
21. Literature review on corruption in fragile states // U4 Anti-Corruption Resource Centre. URL: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/360_Literature_review_on_corruption_in_fragile_states.pdf (дата обращения: 04.04.2021).
22. Le Billon P. Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts // *J. of International Development*. 2003. Vol. 15, Iss. 4. P. 413–426. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.993>.
23. Захаров А. В. Борьба с экологической преступностью и коррупцией в контексте существования современных глобальных экологических вызовов человечеству // *Вестн. Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. Вып. 11 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-ekologicheskoy-prestupnostyu-i-korrupsiyey-v-kontekste-suschestvovaniya-sovremennyh-globalnyh-ekologicheskikh-vyzovov> (дата обращения: 17.04.2021).
24. Bădescu G., Sum P., Uslaner E. M. Civil Society Development and Democratic Values in Romania and Moldova // *East European Politics and Societies*. 2004. Vol. 18, Iss. 2. P. 316–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325403259915>.

Информация об авторах.

Егоров Владислав Александрович – магистр политической конфликтологии (2019), аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: политическая социология, антикоррупционная политика. E-mail: cptyossarian@protonmail.ch

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 114 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, права и коммуникаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru

REFERENCES

1. Global poll: Corruption is world's most talked about problem (2019), *BBC*, available at: http://www.bbc.co.uk/pressoffice/pressreleases/stories/2010/12_december/09/corruption.shtml (accessed 04.04.2021).
2. *Trevozhshchie problemy* [Disturbing problems] (2019), *Levada Center*, available at: <https://www.levada.ru/2019/09/25/trevozhshchie-problemy-2/> (accessed 04.04.2021).
3. Heywood, P. (2014), *Routledge Handbook of Political Corruption*, Routledge, London, UK.
4. Rose, J. (2018), "The Meaning of Corruption: Testing the Coherence and Adequacy of Corruption Definitions", *Public Integrity*, vol. 20, iss. 3, pp. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.1080/10999922.2017.1397999>.
5. Federal Law of the Russian Federation No. 273-FZ of 25.12.2008 "On Combating Corruption" (rev. 03.11.2015) (2008), *Rossiyskaya Gazeta* [Russian newspaper], no. 4823, available at: <https://rg.ru/2008/12/30/korrupcia-fz-dok.html> (accessed 01.08.2021).
6. Ugur, M. and Dasgupta, N. (2011), *Evidence on the economic growth impacts of corruption in low-income countries and beyond: a systematic review*, EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, Univ. of London, London, UK.
7. Fisman, R. and Svensson, J. (2007), "Are corruption and taxation really harmful to growth? Firm level evidence", *J. of Development Economics*, vol. 83, iss. 1, pp. 63–75. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2005.09.009>.
8. Svensson, J. (2003), "Who Must Pay Bribes and How Much? Evidence from a Cross Section of Firms", *The Quarterly J. of Economics*, vol. 118, iss. 1, pp. 207–230. DOI: <https://doi.org/10.1162/00335530360535180>.
9. Wei, S.-J. (2000), "How Taxing is Corruption on International Investors?", *The Review of Economics and Statistics*, vol. 82, iss. 1, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1162/003465300558533>.
10. Uslaner, E.M. (2015), "The Consequences of Corruption", *Routledge Handbook of Political Corruption*, in Heywood, P.M. (ed.), Routledge, Abingdon, NY, UK, pp. 199–211.
11. De Jong, E. and Bogmans, C. (2011), "Does corruption discourage international trade?", *European J. of Political Economy*, vol. 27, iss. 2, pp. 385–398. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2010.11.005>.
12. Gupta, S. Davoodi, H. and Alonso-Terme, R. (2002), "Does corruption affect income inequality and poverty?", *Economics of Governance*, vol. 3, iss. 1, pp. 23–45. DOI: <https://doi.org/10.1007/s101010100039>.
13. Lavallée, E. (2008), "Corruption and trust in political institutions in sub-Saharan Africa", *Afro Barometer*, no. 102, available at: <https://afrobarometer.org/sites/default/files/publications/Working%20paper/AfropaperNo102.pdf> (accessed 06.05.2021).

14. Bird, R., Martinez-Vazquez, J. and Torgler, B. (2008), "Tax Effort in Developing Countries and High Income Countries: The Impact of Corruption, Voice and Accountability", *Economic Analysis and Policy*, vol. 38, iss. 1, pp. 55–71. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(08\)50006-3](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(08)50006-3).
15. De la Croix, D. and Delavallade, C. (2009), "Growth, public investment and corruption with failing institutions", *Economics of Governance*, vol. 10, iss. 3, pp. 187–219. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10101-008-0057-4>.
16. Clausen, B., Kraay, A. and Nyiri, Z. (2011), "Corruption and Confidence in Public Institutions: Evidence from a Global Survey", *The World Bank Economic Rev.* vol. 25, iss. 2, pp. 212–249. DOI: <https://doi.org/10.1093/wber/lhr018>.
17. Basics of corruption and the justice sector, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: <https://www.u4.no/topics/justice-sector/basics> (accessed 04.04.2021).
18. Habibov, N., Afandi, E. and Cheung, A. (2017), "Sand or grease? Corruption-institutional trust nexus in post-Soviet countries", *J. of Eurasian Studies*, vol. 8, iss. 2, pp. 172–184. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.05.001>.
19. Risks of corruption to state legitimacy and stability in fragile situations, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: <https://www.u4.no/publications/risks-of-corruption-to-state-legitimacy-and-stability-in-fragile-situations> (accessed 04.04.2021).
20. Public financial management reforms in post-conflict countries: synthesis report, *The World Bank*, available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/945231468340162289/Public-financial-management-reforms-in-post-conflict-countries-synthesis-report> (accessed 04.04.2021).
21. Literature review on corruption in fragile states, *U4 Anti-Corruption Resource Centre*, available at: https://www.transparency.org/files/content/corruptionqas/360_Literature_review_on_corruption_in_fragile_states.pdf (accessed 04.04.2021).
22. Le Billon, P. (2003), "Buying peace or fuelling war: the role of corruption in armed conflicts", *Journal of International Development*, vol. 15, no. 4, pp. 413–426. DOI: <https://doi.org/10.1002/jid.993>.
23. Zakharov, A.V. (2012), "Struggle against ecological crime and corruption in the context of existence of modern global environmental challenges to mankind", *Tambov Univ. Rev. Ser.: Humanities*, no. 11 (115), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-ekologicheskoy-prestupnostyu-i-korrupsiei-v-kontekste-suschestvovaniya-sovremennyh-globalnyh-ekologicheskikh-vyzovov> (accessed 17.04.2021).
24. Bădescu, G., Sum, P. and Uslaner, E. M. (2004), "Civil Society Development and Democratic Values in Romania and Moldova", *East European Politics and Societies*, vol. 18, iss. 2, pp. 316–341. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325403259915>.

Information about the authors.

Vladislav A. Egorov – Master (Political Conflictology) (2019), Postgraduate at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint-Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: political sociology, anti-corruption policy. E-mail: cptyossarian@protonmail.ch

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy) (1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Sciences, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 114 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, law and communications. ORCID: <https://orcid.org/00000-0002-1030-4115>. E-mail: falesm@mail.ru